

УДК 172.1

Регула М. Цвален, Ph.D.

(Институт Экуменических Исследований Фрибургского Университета, Швейцария)

ПРАВО КАК ПУТЬ К ПРАВДЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ С.Н. БУЛГАКОВА О ПРАВЕ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

У статті висвітлено точку зору Сергія Булгакова на важливу роль інституту права у контексті проблеми гарантії соціальної справедливості. Розкрито три етапи еволюції поглядів Булгакова на взаємозв'язок справедливості і права: спочатку пошук соціального ідеалу – потім монархічна спокуса персоналізму і на закінчення – обґрунтування принципу свободи в політиці і церкві.

Ключові слова: право, правда, справедливість, мораль, соціальний ідеал, персоналізм, свобода особистості, влада, держава, монархія, соборність, демократія, церква.

В статті освіщена точка зору Сергія Булгакова на важну роль інституту права в контексті проблеми гарантії соціальної справедливості. Раскрыты три этапа эволюция взглядов Булгакова на взаимосвязь справедливости и права: сначала поиск социального идеала – затем монархическое искушение персонализма и в заключение – обоснование принципа свободы в политике и церкви.

Ключевые слова: право, правда, справедливость, мораль, социальный идеал, персонализм, свобода личности, власть, государство, монархия, соборность, демократия, церковь.

According to Serge Bulgakov, the institution of law plays an important role in ensuring justice for all members of a society. However, considering the political relations between justice and law, Bulgakov passed through three stages: Firstly, he was searching for a social ideal, secondly he was tempted by monarchistic personalism, and finally he would speak for the absolute principle of freedom in politics and the church.

"Справедливость" – идеал каждого человека, или, как минимум, каждого человека современности: в этом Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) в 1903 г. убежден. Но, к сожалению, невозможно найти даже двух людей, обладающих одинаковым представлением о конкретном воплощении этого идеала. Главную причину разногласий Булгаков видит, прежде всего, в ограниченности индивидуальной перспективы, обусловленной социальным или классово-психологическим влиянием и личными интересами. Поэтому политика всегда полна конфликтов, подчас и кровавых [3, с. 684–688]. С точки зрения Булгакова, институт *права* играет важную роль в связи с проблемой гарантии справедливости по отношению ко всем. Смысл истории Булгаков видел в постоянном стремлении к идеальному соотношению свободы каждого и справедливости для всех. Право не тождественно со справедливостью, но оно – важнейший, подвластный историческим изменениям и, прежде всего, всегда способный к усовершенствованию инструмент, служащий справедливости [9, с. 537–538].

Политика для Булгакова – задача последовательно осуществления общих идеалов. Он считал своим моральным долгом развить модель справедливого общества, или, по меньшей мере, попытаться это сделать. Сильное впечатление на Булгакова произвела идея "мирского аскетизма" Макса Вебера, укрепившая его в убеждении, что он, как религиозный человек, должен обратиться к миру, а не отрешиться от него. Во имя исполнения этого морального долга Булгаков со своей семьей в 1906 г. переезжает из Киева в Москву, чтобы использовать новые, открывшиеся в результате первой русской революции политические возможности [13, с. 108–109]. Орловская губерния, где родился Булгаков, избирает его в 1907 г. депутатом во Вторую Государственную Думу как беспартийного "христианского социалиста". Этот опыт, как известно, значительно отрезвит его видение возможностей реально-политического воздействия. В дальнейшем будет, однако, видно, что рукоположение в священники Булгакова в 1918 году нельзя толковать как уход "из мира сего"; напротив, именно в революционные годы оно было политическим актом, придавшим булгаковской борьбе за справедливость и свободу новую глубину.

Ниже мы рассмотрим три фазы, которые прошел Булгаков в своих размышлениях на тему справедливости и права. В первую очередь, будет рассмотрен его *поиск социального идеала*, затем – *монархическое ис-*

кушение персонализма и в заключение – *принцип свободы в политике и церкви*.

1. Поиск социального идеала. В трактовке метода осуществления социально-политических идеалов Булгаков определенно не хотел отклоняться от марксизма. Однако как высший идеал политического действия он рассматривал не свободу рабочего класса, а *свободу* каждой отдельной *личности* [3, с. 689–690]. Хотя он и оставил занятия фундаментальными исследованиями в области философии права своему другу Павлу Новгородцеву [Ср. 16], однако, будучи еще марксистом, Булгаков уже связывал идею экономической борьбы классов с идеей "борьбы за право", которая сделала знаменитым немецкого юриста Рудольфа фон Иеринга. От него он перенял также понятие права как исторически переменной величины. Фактор непостоянства права, синтезирующего в себе идеал и личный интерес, заключается прежде всего в области интересов [3, с. 667; 8, с. 452–455]. В неразрывной связи права и хозяйства Булгаков следует, кроме того, неокантианцу Рудольфу Штаммлеру, определявшему хозяйство как *материю*, а право – как *форму* социальной жизни. Булгаков определяет хозяйство как "социальную организацию производства", а "право" – как его инструмент. Поэтому адекватное исследование и того и другого надлежит проводить не юриспруденции, не экономическим наукам, а социологии [8, с. 434–441]. От правоведа Поля Йоханнеса Меркеля Булгаков заимствует рассмотрение права как компромисса между социальными классами [8, с. 456].

Критика Маркса Булгаковым направляется, в первую очередь, на попытку отделить социальную политику от *морали*. Такой подход обречен на провал, поскольку справедливость есть идеальная норма, а не историческая необходимость: как раз рассмотрение человека с материалистической точки зрения должно привести к выводу, что в действительности люди не равны. Но для Булгакова так же далек от реальности и диаметрально противоположный подход, а именно, попытка заменить социальную политику, регламентированную правом, индивидуальными представлениями о морали. Булгаков критикует "старших славянофилов", а также, прежде всего, Льва Толстого, за попытку разрешить все социальные проблемы на личностно-этическом уровне. Они особо осуждали правовые инструменты социальной организации "прогнившего Запада", поскольку те содержат элемент насилия. Этот под-

ход Булгаков определял как социально-политический нигилизм. Непозволительно перед лицом социально-экономических проблем современности забираться в свою скорлупу, должно развивать также сферы внеличностных отношений – сферы государства, права, хозяйства [3, с. 670-671]. Христианская этика отличается, по мнению Булгакова, как раз тем, что она *преображает* государственные институты в *инструменты* осуществления добра, а не отвергает их радикально как таковые [5, с. 288-298]. Однако Булгаков был согласен с критическим отношением к бесчеловечным механизмам и в поиске "гуманистического" отношения к государственным институтам пришел к выводу, что наиболее уместен социологический подход, который исходит "лес", не забывая о его составляющих – отдельных деревьях [9, с. 531].

Творчество Владимира Соловьева оказывается для Булгакова важным примером поиска синтеза свободы и справедливости, а также попытки решить вопрос о соотношении права и морали, или, точнее, апологии права, которую Соловьев дал в работе "Оправдание добра" (1897). Булгаков включается, таким образом, в новый дискурс философии права в России, в котором уже не спорили на тему, хорош институт права или нет, а ставили целью наилучшую защиту права. При этом речь шла, в первую очередь, о том, существуют ли определенные идеалы в форме данных *естественных прав* или же действует исключительно *позитивное право*, основанное на договоре между людьми. Позиция Соловьева в этой дискуссии была неординарна, поскольку он обосновывал позитивное право с помощью тех же норм, отстаивая которые, славянофилы или анархисты, например, отвергали позитивное право: правовое принуждение не подрывает свободу и справедливость, а гарантирует их; мораль и право взаимно обуславливают друг друга [17, с. 110]. Для Булгакова наивысшая заповедь Евангелия "Люби ближнего как самого себя" – одновременно и наивысшая норма социальной жизни. В силу богоподобия каждый человек обладает безусловным достоинством, а потому право на справедливость есть абсолютное естественное право. Это естественное право дает основание для критики и изменения относительного позитивного права, а, в крайнем случае, легитимизирует даже революцию [3, с. 672-676]. Вследствие исторической изменчивости позитивного права политические программы должны ориентироваться на реально-политические, а не утопические цели. Согласно Булгакову, необходимо добиваться конкретных законодательных изменений, которые соответствовали бы новейшим научным познаниям. Поскольку основа права – мораль, реальная политика не должна довольствоваться лишь "малыми делами", но должна добиваться осуществления идеалов, принимая, таким образом, вызов великих исторических задач [3, с. 683-684]. "Философия малых дел" была предметом дискуссии в "Московском Еженедельнике" около 1909 года. Ее защищал Евгений Трубецкой, осуждавший революционный пафос "все или ничего" и призывавший общество к организации частных инициатив, чтобы постепенно основать гражданское общество.

Для этого, однако, необходима *власть*. Анализом этого понятия Булгаков занят еще перед революцией 1917 года. Хотя социальные нужды и связаны со злоупотреблением властью, однако анархическое отрицание власти не решает никаких проблем вовсе. Как обычно, Булгаков попытался найти позитивный подход и к этому негативно окрашенному понятию, размышляя о том, что значила власть *перед* грехопадением. Он пришел к следующему заключению: власть и справед-

ливость – атрибуты Божественного творца. Следовательно, человек как подобие Бога также обладает этими потенциями, позволяющими ему *осуществлять* свою волю и *организовывать* общественную жизнь, а значит, предполагающими *авторитет* и *лояльность*. В грехопадении всякое равновесие нарушено: авторитет превратился во властолюбие, лояльность – в раболепие. В крайних случаях искаженное отношение к власти проявляется в авторитаризме и анархизме, обычно же – в дуализме естественного и позитивного права. *Право* – неотъемлемый элемент власти – ее "высказанное слово". Власть и право являются в государственности средствами борьбы против внешних и внутренних врагов, то есть против зла. Демократическое правовое государство для Булгакова – *религиозно-этический минимум*, добросовестная попытка охранения благополучия и свободы народа. Однако это остается лишь "негативным откровением власти". "Позитивным откровением" может быть лишь преодоление всякой политики религией [6, с. 336-345]. В связи со своим негативным опытом в беспросветно разобщенной Думе, Булгаков некоторое время грезит о справедливом владыке, который объединил бы все идеалы в одном лице и был бы выше всех межличностных конфликтов. Ниже эта фаза будет именоваться как "монархическое искушение персонализма".

2. Монархическое искушение персонализма. Идея достоинства человеческой личности в русском персонализме переживает взлет, реагируя, таким образом, на социалистический пафос равенства. К тому же идея персонального призвания способствовала укреплению убеждения, что *отдельная* личность, особенно преуспевшая на пути к совершенству, может вести других людей лучше, нежели парламент, полный небезупречных забияк. В пражской эмиграции Булгаков размышлял об объединении монархии и демократии под руководством церкви: он понимал политическую власть как следствие *персональной харизмы* и как "очень существенную церковную функцию" на пути воплощения царства Божьего. Поскольку церковь – это весь народ, правитель должен быть *избран* народом и им же *помазан*. В церковном смысле демократия соответствует учению о священнослужителях и мирянах, которое, однако, не противоречит идее иерархии и личной харизмы, а, напротив, дает им основание [2]. Булгаков настаивал, что харизмой политической власти должен наделяться лишь *один* человек. Тем не менее, позиция церкви должна оставаться независимой и – согласно слову апостола Павла – лояльной по отношению ко всем формам политической власти (даже если эта власть – советская), но лишь до тех пор, пока не нарушены Божественные законы. Этот вопрос ожесточенно обсуждался *Братством Святой Софии*, группой ссыльных православных профессоров, после публикации книги Михаила Зызыкина *Царская власть и закон престолонаследия* в 1924 году [12]. Почти все члены сообщества рассматривали монархию как идеальное воплощение *неделимой* политической власти – принцип разделения властей во всех этих дискуссиях даже не упоминался [1, с. 83]. Лишь Николай Лосский подчеркивал, ссылаясь на концепт *соборности*, что и православная церковь управляется соборным образом [2, с. 56]. Лосский противился слишком тесной связи православия с монархией и пытался толковать демократию в соответствии с "органическими" и "личностными" ценностями, которые его оппоненты *противопоставляли* "механистической демократии". Согласно Лосскому, из современного кризиса может вывести только

усиленное "социальное творчество", а не возвращение к изжившим себя моделям [11; 15].

Кажется, Лосский убедил Булгакова, поскольку в одной из лекций о "Христианской социологии", прочитанной уже в 1927 году в *Институте Православного богословия* в Париже, Булгаков совершенно недвусмысленно говорил о том, что нельзя переоценивать харизматический характер монархической власти и что политическая ответственность слишком велика, чтобы покоиться на плечах отдельного человека. Власть – он использует понятие Федорова – *общее* дело христианского народа [9, с. 542]. К этому времени Булгаков считал современное человечество уже достаточно зрелым для того, чтобы отдать свободу приоритет в церкви и политике.

3. Принцип свободы в церкви и политике. Этот поворот очевидным образом связан с обращением Булгакова к *теологическому мышлению*, хотя данная связь может показаться неожиданной. Исторические события, похоже, не только вынудили его, но и вдохновили на противоположный подход к проблеме социального идеала: теперь Булгаков анализирует не социальные-политические, а *метафизические интересующие отношения*, которые рассматривает как *подобие Божественного* триединства. При этом человечество он определяет как *многоипостасность*, в которой равноправные ипостаси составляют в своей общей природе единое целое – по аналогии с тремя Божественными ипостасями, но в большем числе [Ср. 19]. Это отдаляет Булгакова от монархизма и восстанавливает его позитивное отношение к "интерперсональным государственным формам".

Отныне в своих лекциях о христианской социологии Булгаков дистанцируется и от Соловьева: право – это не моральный минимум, а нечто *намного большее*, ибо основывается на моральных нормах. Но право не зависит от морали в тех случаях, когда оно касается *всех* граждан и их конкретных действий, мораль же обращается к совести *отдельной* личности. Интересно замечание Булгакова о том, что правосознание не только позитивное, но и естественного права подвластно историческим изменениям: правосознание меняется, если в ходе исторического развития изменяется человеческая совесть. Соответствующая подгонка позитивного права к исторической ситуации должна по возможности осуществляться путем реформирования. Христианство, например, преодолело рабство не насильственной сменой строя, а способствуя эволюции сознания христиан, несмотря на то что у многих христиан по отношению к чернокожим процесс эволюции протекал очень медленно. В противоположность индийской кастовой системе христианское правосознание основывается на принципе достоинства каждой человеческой личности. Этот принцип согласуется с римским правовым понятием *equitas*, подразумевающим отсутствие привилегий. Булгаков энергично возражает и Толстому: до тех пор, пока на Земле не наступит всеобщее благоденствие, государство не может прощать преступника, а должно наказывать его во имя защиты остальных; естественно, позитивная цель права – это установление нравственного жизненного порядка, а негативной функцией права, в первую очередь, является защита жизни каждого человека от посягательств со стороны других [9, с. 537-540]. Однако и для суда государственной власти, согласно Булгакову, человеческая жизнь должна остаться неприкосновенной: уже в 1906 году он выступал против смертной казни [10].

Как уже упоминалось, в конце 20-х гг. Булгаков отрицал неотделимость православия от монархии. Вполне вероятно, что этому содействовала его полемика с

консервативными евразийцами. Булгаков упрекал евразийцев прежде всего в том, что они злоупотребляли церковью в национальных целях [14, с. 148]. Отныне он приводит в пример Америку, страну реализованной политической справедливости, где народ легитимирует правительство, а правительство руководствуется правами человека и гражданскими правами. Принцип свободы личности уже восторжествовал, а безусловное достоинство детей Божьих охраняется правами человека и гражданскими правами. Однако нельзя упускать из виду принцип повиновения: как повиновение не следует приравнять к рабству, так и свобода не должна вести к эгоизму [9, с. 545-547]. Соблюдение равновесия свободы и справедливости, авторитета и лояльности Булгаков рассматривает теперь как важную социальную задачу церкви.

В своей книге об "Учении православной церкви" 1932 г. Булгаков превозносит структуру православной церкви как наилучшим образом соответствующую свободному духу времени. Булгаков рассматривал автокефальную структуру православной церкви как модель будущего, которая полностью отвечает требованиям демократизации и глобализации. Он говорил о "процессе объединения всего культурного мира": в противоположность протестантской раздробленности и цезарепапизму римско-католической церкви, независимость православных поместных церквей в сочетании с сохранением их духовного единства сможет и в будущем хорошо соответствовать духу времени. Результаты из этого "чрезмерное различие и пестроту" нужно будет преодолевать уже не централистическим деспотизмом, а "внутренним естественным сближением народов и национальных церквей, которое совершается в силу естественного процесса" [4, с. 213].

Как и в ранние годы, Булгаков вновь отстаивает релятивизм средств для неизменной цели. Абсолютной ценностью, с которой должны согласовываться все политические инструменты, является "свобода личности, правовая и хозяйственная" [4, с. 262]. Поэтому коммунизм нужно отвергнуть как систему духовного рабства, несмотря на некоторые его социальные достижения. Здесь мы вновь сталкиваемся с тесной связью хозяйства и права у Булгакова. Согласно Булгакову, справедливая форма хозяйствования содержится в комбинации капитализма и социализма.

В новой социальной утопии Булгакова глобализация представляет собой позитивный процесс, в ходе которого человечество объединенными силами стремится к подлинному осуществлению свободы и справедливости, не пренебрегая при этом автономией – или автокефалией – отдельных культур, народов и церквей. Возможность эта действительно дана, ибо – согласно Булгакову – каждый творческий и конструктивный акт человеческой деятельности наполнен одним и тем же Святым Духом, даже если человек этого и не осознает [7, с. 260]. С одной стороны, человечество приближается к "единству многообразия" с помощью *внешних* средств, к примеру, путем всеобщего признания прав человека и гражданских прав. С другой стороны, именно церковь должна позаботиться о *внутреннем* сближении людей. В этом отношении 1930-е годы, которые расцениваются как золотой век христианского экуменизма, подавали большие надежды [18, с. 282]. Булгаков призывал, в первую очередь, к церкви, и в особенности русскую православную церковь, способствовать принципу свободы и "*демократии в душах*" [20, с. 33, 36]. При этом разделение церкви и государства было для него особенно важно, поскольку модель вероисповедного государства уже устарела. "Отделение Церкви

от государства фактически может иметь разное содержание, от открытого гонения на веру, как теперь в России, до полной свободы вероисповедания (как в Американских Соединенных Штатах). Последняя есть в настоящее время наиболее благоприятный и нормальный режим для Церкви, который освобождает ее от соблазна клерикализма и обеспечивает возможность беспрепятственного развития" [4, с. 342-343].

Булгаков был убежден, что влияние церкви на общественную жизнь должно более осуществляться не "сверху и извне", а "изнутри и снизу". Не государственная церковь, а демократическим образом участвующий в законотворческих процессах церковный народ сформирует государство и будет мерить его идеалом справедливости. Влияние церкви на души должно осуществляться отныне не принуждением сверху, а исключительно "путем свободы, которая, единственно, соответствует достоинству христианскому" [4, с. 344].

1. Бибихин В.В. Софиология о. Сергия Булгакова // Религиозно-философский путь. – М., 2003. 2. Братство во имя св. Софии. "О царской власти". Протоколы заседаний 13. и 27. XI. н. ст. 1924 (Прага) // Братство Святой Софии. Материалы и документы 1923-1939 / Публ. Н.А. Струве. – М., Париж, 2000. 3. Булгаков С.Н. О социальном идеале // От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895-1903. – М., 2006.

4. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. – Париж, 1991. 5. Булгаков С.Н. Простота и опрощение // Л.Н. Толстой: pro et contra – СПб, 2000. 6. Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения // Первообраз и образ. Соч. В 2 т. – М., 1999. – Т. 1. 7. Булгаков С.Н. Утешитель. – М., 2003. – С. 260. 8. Булгаков С.Н. Хозяйство и право // От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895-1903. – М., 2006. 9. Булгаков С.Н. Христианская социология // Труды по социологии и теологии. – М., 1997. – Т. 2. 10. Гернет М.Н., Гольдовский О.Б., Захарович И.Н. Против смертной казни. – М., 1906. 11. Goerdit Wilhelm. Sobornost // Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hg. v. Ritter J., Gründer K. – Basel, 1995. – Bd. 9. 12. Зызыкин Михаил. Царская власть и закон о престолонаследии в России. – София, 1924. 13. Кейдан В.И. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. – М., 1997. 14. Колеров М. А. Братство св. Софии. "Веховцы" и евразийцы (1921-1925) // Вопросы философии. М., 1994. № 10. 15. Лосский Н. О. Органическое строение общества и демократия // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 334-355. 16. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. – М., 1917. 17. Schlüchter Anita. Recht und Moral: Argumente und Debatten "zur Verteidigung des Rechts" an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert in Russland. – Zürich, 2008. 18. Vallière Paul. Modern Russian Theology: Bukharev, Soloviev, Bulgakov: Orthodox theology in a new key. Edinburgh, – 2000. 19. Zwahlen Regula. Das revolutionäre Ebenbild Gottes. Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj Berdjajev und Sergej Bulgakov. Münster, 2010. 20. Freedom of thought in the Orthodox Church (1936) // A collection of articles by Fr. Bulgakov for the Fellowship of St. Alban and St. Sergius / Publ. Fellowship of St. Alban and St. Sergius. – London, 1969.

Надійшла до редколегії 10.10.11

УДК 330.83

Ю. Сапачук, асп. (КНУ імені Тараса Шевченка)

ГОСПОДАРСТВО ЯК ОНТОЛОГІЧНА ПІДВАЛИНА ЕКОНОМІКИ В ТВОРЧОСТІ С. БУЛГАКОВА

У статті з позицій філософсько-методологічної традиції С.М. Булгакова здійснено критичний аналіз вузько-економічного погляду на процес людського господарювання. Проаналізовано методологію дослідження господарського життя людини в контексті аутентичної християнської традиції. Зазначено хибні метафізичні аспекти економізму.

Ключові слова: економізм, раціоналізм, філософія господарства, "економічна людина", методологія аналізу.

В статье с позиций философско-методологической традиции С.Н. Булгакова осуществлен критический анализ узко-экономического взгляда на процесс человеческого хозяйствования. Проанализирована методология исследования жизни человека в контексте аутентичной христианской традиции. Указаны ошибочные метафизические аспекты экономизма.

Ключевые слова: экономизм, рационализм, философия хозяйства, "экономический человек", методология анализа.

The paper undertakes a critical analysis of the restricted economic view from the standpoint of S. Bulgakov's philosophical and methodological traditions on the process of economic activity. The methodology of studies of the human economic activities is examined in a context of authentic Orthodox tradition. The erroneous metaphysical aspects of economism are highlighted.

Keywords: economics, rationalism, philosophy of economy, "homo economicus", methodology of an analysis.

Аналізуючи економіку як таку слід зазначити, що її неможливо зрозуміти виходячи тільки з неї самої, так би мовити, поглядом із середини. Саме той чи інший філософський аспект створює, власне, чіткий світоглядний та методологічний контекст в якому відбувається аналіз економічної діяльності людини та суспільства.

Засновник економічної науки, Адам Сміт, відомий не тільки своєю найвідомішою працею в царині економічної думки [9], але спочатку як автор іншого твору – "Теорія моральних почуттів" [10], котра присвячена відносинам між людьми та пошукам моральних ідеалів. Інший представник класичної політичної економії Ж.Б. Сей змушений був оселитись у Швейцарії, втікаючи з іще католицької Франції кінця XVIII ст., через свою відданість протестантському віровченню [7, с. 270]. Карл Маркс, гостро критикуючи класичну політичну економію XIX ст., та звинувачуючи її в т.зв. "вульгарності", тобто класовій упередженості, формував свої погляди виходячи з чітких філософських позицій – діалектичного матеріалізму, що становив невід'ємну складову запропонованої ним концепції економічного детермінізму. Представник історичної школи М. Вебер взагалі прямо пов'язував культурний, світоглядно-релігійний зміст епохи із вектором соціально-економічного розвитку.

Вузький структурно-кількісний, утилітарний підхід притаманний сучасному економісму сформувався ли-

шень на початку XX ст. в процесі історичного розвитку наукового дискурсу економічної науки і є, на жаль, закономірним наслідком антропоцентричних та філософських поглядів епохи Нового Часу. На сьогодні цей механістичний підхід піддається серйозній критиці ряду вчених, зокрема відомі російські економісти А. Бузгалін та В. Колганов зазначають: "... кожна "ринкоцентрична" економічна теорія занадто звужує погляд на економіку, представляючи її у вигляді самодостатньої системи, що не працює на суспільство, а, навпаки, нав'язує йому свої критерії. За стабільного функціонування економіки із таким упередженням теоретичним підходом ще можна змиритись до певної міри. Але на переломному історичному моменті, та навіть в періоди "звичайних" економічних криз, вузькість економічних поглядів на економіку виявляється із усією серйозністю" [2, с. 59].

Зовсім не випадково видатний російський економіст, релігійний філософ С. Булгаков ще на початку минулого сторіччя піддав гострій критиці вузько-економічний погляд щодо процесу людського господарювання, цілком природно виходячи із світоглядних позицій православної традиції, як і певна частина представників російської релігійної філософії, на яку серйозний вплив справили оригінальні ідеї слов'янофілів. "Людина в господарстві перемагає та підкорює природу, але разом із тим зазнає поразки від цієї перемоги та все більше від-